

Л. Н. ЮРОВСКИЙ

90
808-14
346

W $\frac{417}{948}$

НАШЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

И БЛИЖАЙШИЕ ЗАДАЧИ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

ФИНАНСОВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКФ СССР
МОСКВА — 1926

Хозяйственные затруднения

В течение четырех лет хозяйственная жизнь Советского Союза протекает под знаком восстановления и под'ема. Голодные и холодные дни периода гражданской войны отошли в туманное прошлое и необходимо уже усилие воображения для того, чтобы воскресить в достаточной полноте и яркости все черты недавно минувших тяжелых хозяйственных невзгод. Не следует, правда, и преувеличивать последние достижения и рисовать картину настоящего, нашей хозяйственной жизни, в более светлых тонах, чем она того заслуживает. Степень благосостояния населения Советского Союза еще очень низка. Мы не только далеки от хозяйственного уровня Америки и Западной Европы, но не достигли еще во многом даже уровня довоенного времени. Мы продвигались вперед в течение последних четырех лет не плавно, а с перебоями и крупными затруднениями. Достаточно припомнить бедствия неурожайного и голодного 1921—1922 г., баснословно низкие цены на хлеб в следующем, урожайном году (знаменитые «ножницы»), промышленный кризис осени 1923 года, новый неурожай 1924—1925 года. Но при всем том поступательное движение было значительно, опережало в некоторые периоды и в некоторых направлениях самые оптимистические ожидания и дало результаты, на которые трудно было рассчитывать к концу четвертого года новой экономической политики. В 1925 году можно было отметить крупное возрастание всей посевной площади в целом и особенно увеличение площади под посевами хлопка, свеклы, льна, подсолнуха, картофеля, кормовых трав; значительное увеличение скотоводства; увеличение промышленной продукции по сравнению с 1921—1922 годом в три с лиш-

ним раза; усиление и улучшение работы транспорта; создание дифференцированной сети кредитных учреждений с несколькими уже довольно мощными центрами и многими сотнями разбросанных по всей стране филиалов; упорядочение финансового хозяйства страны и сведение государственного бюджета с небольшими дефицитами, которые покрываются внутренними займами, идущими целиком на новое хозяйственное строительство, а не на покрытие административных расходов или убытков промышленных и транспортных предприятий; создание твердой валюты на основе денежных реформ 1922 и 1924 гг.

Летом 1925 года стало вполне очевидно, что наше народное хозяйство приближается к производственным нормам довоенного времени и что недалек тот срок, когда оно перепагнет за их пределы. Перевал по всем признакам должен совершиться, примерно, на рубеже 1927 года или во всяком случае немного времени спустя. Правда, мы восстанавливали свое хозяйство до сих пор на базе унаследованного от довоенной эпохи промышленного и транспортного оборудования. Это немало облегчало задачу, ибо в дальнейшем развитие сможет совершаться только за счет вложения во все отрасли нашего хозяйства крупных новых средств. Но летом 1925 года мы недостаточно учитывали это обстоятельство. Настроение всех тех, кто так или иначе причастен к делу хозяйственного строительства, было исключительно бодрое, и когда выявились виды на очень благоприятный сбор хлебов, хозяйственный оптимизм овладел безраздельно всеми умами. С этим настроением страна вступала в новый 1925/26 хозяйственный год.

В одном отношении летние ожидания оправдались. Новый год опять протекает под знаком подъема во всех почти отраслях народного хозяйства. Но, вместе с тем, новый год принес нам целый ряд обстоятельств, которых летом 1925 г. никто не предусмотрел, и он проходит в обстановке «заминков», «затруднений», «перебоев», которые делают успехи все более условными, создают вокруг них тревожную атмосферу и кажутся угрозой дальнейшему движению вперед. Колеса хозяйственной машины вертятся еще очень быстро. Но в машине кое-что поскрипывает и трещит. Уже в ноябре 1925 г. на это пришлось обратить очень серьезное внима-

ние. Уже на рубеже 1926 года было осознано и признано в постановлениях высших учреждений республики, что причины затруднений лежат не в том, что плохо смазаны отдельные колеса механизма, а в том, что в его работе имеется какой-то коренной дефект. Сперва пересмотру подвергались частично отдельные хозяйственные планы. Потом стало очевидно, что они все подлежат переработке, и начался не вполне еще заверченный генеральный пересмотр. В таких условиях задача анализа создавшегося хозяйственного положения приобретает огромную практическую важность. Если нарушение равновесия в нашем хозяйстве носит не случайный и частный характер, а наблюдается на целом ряде важнейших участков хозяйственной работы, то надо попытаться отыскать основную причину затруднений и лишь после этого возможно исправлять положение с уверенностью в действительном успехе. Попытаемся определить эту основную причину.

* * *

Мы сможем утверждать, что отыскали ее, если найдем то явление, которое объясняет всю совокупность перебоев и затруднений, испытываемых народным хозяйством страны с осени 1925 г. Достоверность объяснения будет доказана, поскольку мы сумеем вывести из этого явления необходимость тех случаев нарушения хозяйственного равновесия, которые мы наблюдаем в действительности. Поэтому приходится начать с описания самих перебоев и затруднений, хотя наша периодическая печать и посвятила уже много места их обсуждению. Систематизированное перечисление их облегчит, однако, выполнение нашей задачи.

1. Первым показателем того, что эволюция хозяйства совершается не вполне благополучно, явился рост цен, начавшийся с осени и не прекратившийся до сих пор. В течение полутора лет состояние нашего денежного обращения в отношении устойчивости покупательной силы рубля можно было считать достаточно благополучным, хотя некоторые симптомы чрезмерного выпуска денег в виде разрыва между оптовыми и розничными ценами наблюдались не раз со времени реформы. Но симптомы эти носили временный характер, и основные колебания цен вверх от того уровня,

на котором индекс стоял после реформы, объяснялись, главным образом, неурожаем 1924 года, т.е. причиной преходящего значения. К концу лета 1925 года, когда на ценах сказался уже новый, хороший сбор хлебов, индекс товарных цен был очень близок к той величине, которую наша статистика (Госплана, Конъюнктурного Института, ВЦСПС) зафиксировала на 1 апреля 1924 г., т.е. в момент, когда завершены были основные мероприятия по реформе денежного обращения. Госплан ожидал, что с этого момента начнется постепенное снижение среднего уровня цен, т.е. повышение покупательной силы червонца. Случилось обратное. Началось не только повышение общих индексов, но и повышение показателей средних цен по всем основным группам товаров. Цифры, характеризующие это явление, сводятся к следующим:

	Индекс оптов. цен Госплана	Индекс розн. цен К. И.	Бюджетн. индекс ВЦСПС.
(Цены за апрель 1924 г. = 1000)			
1 сентября 1925 г. . . .	0.977	0.975	0.897
1 октября „ „ . . .	0.985	1.008	0.924
1 ноября „ „ . . .	0.992	1.019	0.966
1 декабря „ „ . . .	1.014	1.049	0.987
1 января 1926 г. . . .	1.037	0.057	1.009
1 февраля „ „ . . .	1.076	1.079	1.055

Несмотря на хороший урожай, рост цен оказался почти непрерывным и довольно значительным. По сравнению с уровнем цен, установившимся влед за денежной реформой, индексы поднялись к началу 1926 г. на 5,5—7,9%, а по сравнению с осенним минимумом — на 10,2—17,6%.

Притом, как мы только что отметили, рост цен был не только почти непрерывным, но и всеобщим. Возрастами как оптовые, так и розничные цены. Увеличивались цены как на промышленные изделия, так и на продукты

сельского хозяйства. Это показывают и госплановские исчисления и индексы Конъюнктурного Института (основание: цены апреля 1924 г.!).

	Индекс Госплана		Индекс К. И.	
	Промышленный	Сел.-хозяйственный	Промышленный	Сел.-хозяйственный
1 сентября 1925 г. . . .	0.940	1.016	0.925	1.032
1 октября „ „ . . .	0.949	1.029	0.975	1.044
1 ноября „ „ . . .	0.957	1.026	1.001	1.088
1 декабря „ „ . . .	0.962	1.068	1.023	1.078
1 января 1926 г.	0.965	1.112	1.013	1.107
1 февраля „ „	0.972	1.190	1.012	1.156

При таком характере движения цен причина явления лежала, очевидно, не в том, что какие-либо побочные факторы стали воздействовать на ценообразование по отдельной группе товаров. Явление было общим и должно было иметь общую для всех товаров причину. Всего вероятней становилось предположение, что причина эта лежит «на стороне» денег.

2. На «свободном» товарном рынке более быстрый рост спроса, чем предложения, обычно находит свое полное выражение в повышении цен. На рынке, где все цены подвергались бы действительному регулированию, т.е. установленными органами власти «указные» цены были бы действительными ценами, повышение спроса не вызывало бы роста цен, а находило бы свое полное выражение в недостатке товаров. Покупатели раскупили бы весь наличный товар по нормированной цене и часть спроса осталась бы совершенно непокрытой. У нас цены подвергаются частичному регулированию. Органами государственной власти установлены отпускные цены трестов. Под влиянием органов государственной власти устанавливаются розничные цены в кооперативных предприятиях, которые не отдаются целиком

во власть рыночной стихии. Но оптовые цены находятся уже под воздействием факторов вольного рынка, а розничные цены в частной торговле используют конъюнктуру рынка целиком. Увеличение спроса, которому, не сопутствует соответствующее возрастание предложения, приводит поэтому в нашей обстановке, и к росту цен, и к недостатку на рынке товаров, т.е. к тому, что у нас принято называть «бестоварьем». Знаками бестоварья были очереди за галошами и мануфактурой, отпуск тканей или канцелярских принадлежностей отдельному покупателю в ограниченном количестве, полное отсутствие некоторых наиболее ходких товаров местами в деревне.

3. В течение первого периода бестоварья, примерно, до декабря, в центре внимания был недостаток готовых изделий и особенно той категории товаров, на которые пред-являло спрос крестьянство. Вслед за этим то же явление стало наблюдаться и на другом товарном участке. В виду оживленного строительного сезона цены на строительные материалы поднимались уже летом 1925 года. К новому году индекс цен строительных материалов опередил все остальные цены, поднявшись более, чем на 30%. Обнаружилось с несомненностью, что для летней строительной кампании 1926 года не хватит кирпича, строительного леса и др. материалов. В первых числах февраля руководители ВСНХ сообщали, что все производство цемента уже запродано на год вперед и что на цементном рынке предстоит пережить недостаток товара. И еще более напряженным стало положение с топливом; с углем, нефтью и дровами. Потребности промышленности и транспорта опередили производство всех видов топлива, топливные предприятия оказались не только не в силах удовлетворить новые заказы, но и выполнять аккуратно все требования по старым контрактам, даже и по тем, по которым деньги были уже уплачены вперед. Стране стал угрожать топливный кризис в очень серьезной форме, и Совету Труда и Оборона пришлось поставить вопрос о назначении своего уполномоченного по топливу, т.е. возвратиться к той форме регулирования топливного рынка, которая напоминала о полузабытых временах крайней нужды и об условиях, казалось, окончательно уже изжитых.

4. Одним из ярких проявлений нарушенного равновесия на товарном рынке явился разрыв между ценами: опускными ценами и оптовыми, с одной стороны, оптовыми и розничными — с другой. В связи с тем характером регулирования цен, который присущ нашей хозяйственной системе, разрыв должен был выразиться в том, что оптовые цены стали повышаться при стабильности цен отпускных, и движение розничных цен, особенно в частной торговле, стало опережать движение цен оптовых. Ибо отпускные цены трестов всего полнее поддаются государственному регулированию и тресты в состоянии повышать их только при помощи «принудительного ассортимента» товаров, который трудно перевести на язык цифр и который не находит своего выражения в индексах товарных цен; влияние государственного регулирования на оптовые цены уже несколько слабее; частные же розничные цены находятся почти вне сферы государственного воздействия и только в отдельных случаях государственным синдикатам и трестам удается наложить на частного торговца обязательство продавать отпускаемый ему товар, не выходя за пределы установленных накидок. Что касается кооперативных цен, то они сравнительно слабо реагируют на повышательную тенденцию рынка и государственная власть в состоянии использовать кооперативный аппарат для проведения своей политики цен. Но и кооперативные предприятия не совсем нечувствительны к состоянию рыночной конъюнктуры. Во-первых, на кооперативном индексе отражаются цены на сельско-хозяйственные продукты и кустарные изделия, не регулируемые государственной властью. Во-вторых, кооперативная торговля не может не включать в свои калькуляции возрастающих при общем подеме цен накладных расходов. В третьих, при всех своих добродетелях, кооперативные организации все же поднимают цены и на изделия государственной промышленности, когда повышательная волна охватывает весь рынок и, особенно, в тех случаях, когда практика «принудительных ассортиментов» подталкивает их к этому; только делают они это в более слабой степени, чем частные торговые предприятия.

Эти разрывы цен мы иллюстрируем несколькими цифрами, относящимися к Москве и вычисленными по данным

Конъюнктурного Института. Но надо иметь в виду, что Москве в течение декабря произведена была «товарная интервенция», т. е. брошено было на рынок значительное количество тканей через посредство аппаратов государственной, кооперативной и частной торговли, специально с целью понижения розничных цен на мануфактуру. Интервенция проведена была успешно. Но нужно иметь ее в виду при оценке значения тех цифр, которые приводятся нами ниже.

Процентные надбавки к оптовым ценам составляли в частной торговле в среднем по промышленных изделиям: 1 июля 1925 г. — 35%, 1-го августа — 38%, 1-го сентября — 45%, 1-го октября — 56%, 1-го ноября — 62%, 1-го дек. — 69%, и 1 января 1926 г. (после интервенции) — 51%. По мануфактуре они достигали 1-го ноября — 69%, а 1-го декабря — 81%; именно по этой группе, и почти только по ней, они и снизились к 1 января до 49%. По обуви они составляли на 1-е ноября — 50%, на 1-е декабря — 87% и на 1-е января — 91%.

5. Особого внимания заслуживает то, что происходило в течение последнего полугодия на хлебном рынке. Планы государственных и кооперативных хлебозаготовок составлены были широко, в расчете на обильный урожай, на крупные избытки зерна в крестьянском хозяйстве, на очень значительное участие государства и кооперации в заготовительных операциях, на вывоз больших количеств хлеба за границу. При составлении этих планов, регулирующие органы опасались более всего сильного падения цен, и были приняты все меры к тому, чтобы в течение кампании заготавливающие организации были щедро снабжены деньгами в форме целевых и подтоварных ссуд. Этим организациям предъявлено было требование закончить 70% заготовок к 1 января 1926 г. При общем плане в 780 милл. пудов это должно было составить 545 милл. пудов хлеба.

Однако, уже в сентябре обнаружилось, что планы были построены на ошибочных расчетах. Самый сбор хлебов оказался несколько меньше первоначальных предположений. Но, главное, предложение зерна крестьянами было гораздо более сдержанно, чем рассчитывали Госплан и Народный Комиссариат Внутренней Торговли. Цены, понизившиеся против высокого уровня, установившегося в последние ме-

сяцы реализации старого урожая, вскоре начали снова расти и повышение их совершается почти без перерывов с сентября 1925 г. до настоящего времени.

Всего к 1 января 1926 г. было заготовлено 336 милл. п. против 545 милл. пудов, намеченных по первоначальному плану, при чем количество заготовленной ржи было по временам недостаточным даже для вполне бесперебойного снабжения внутреннего рынка.

Правда, итоги заготовок остаются пока выше, чем они были в прошлом году. Недостаток хлеба является, таким образом, лишь относительным. Но хлебные цены стоят за то в нынешнем году выше, чем они стояли год назад во время неурожая.

И, так как на основе плана хлебозаготовок был построен и экспортный план, то невыполнение первого повлекло за собой образование крупной брешы в последнем, с теми последствиями для народного хозяйства, которые связаны с сокращением внешней торговли.

6. Не один только план хлебного экспорта оказался невыполненным. Весь вывоз товаров за границу далеко не достигает первоначально намеченных цифр. Постановлениями, принятыми в январе 1926 г., экспортная программа, утвержденная в августе, была снижена на треть, при чем и выполнение нового сокращенного плана нельзя еще считать безусловно обеспеченным в полном его объеме.

Не останавливаясь на отдельных статьях старого и нового экспортного плана, надо отметить одну из основных причин, вызывающих это невыполнение: она заключается в нерентабельности экспорта по целому ряду важнейших его статей. В отношении лесных материалов неблагоприятное соотношение мировых и наших внутренних цен наблюдалось уже в прошлом году. С тех пор явление стало гораздо более общим, при чем оно частично заключается в том, что мировые цены абсолютно нерентабельны, а частично в том, что внутренние цены более рентабельны, чем мировые. Неблагоприятным фактором для развития экспорта явилось при этом то, что повышению наших внутренних цен во многих случаях сопутствовало снижение европейских цен на продукты сельского хозяйства. Вывоз пшеницы из некоторых хлебородных районов стал невы-

годеи уже в ноябре, и только неблагоприятные виды на аргентинский урожай исправили затем на время положение. Вывоз льна наши экспортирующие органы задерживали, в ожидании более высокой конъюнктуры мирового рынка, но эти ожидания не оправдались. Состояние цен на коровье масло невыгодно для экспортирующих предприятий, и были уже случаи, когда последние делали попытку ввезти обратно тот товар, который был уже вывезен ими за границу. Нефтяному Синдикату было выгоднее продавать керосин на внутреннем рынке, чем экспортировать его за границу, и проч., и проч. Экспортная выручка за первый квартал 1925/26 г. дала не четвертую, а лишь немногим более $\frac{1}{7}$ части первоначального экспортного плана, и не дала полной четверти сокращенного годового плана, утвержденного в январе 1926 г. Такое состояние экспорта непосредственно отразилось на наших импортных возможностях, и из всех затруднений, с которыми пришлось считаться нашему народному хозяйству в течение последнего полугодия, именно это затруднение было наиболее болезненно и велико.

7. Пути развития нашего народного хозяйства на данной его стадии неизбежно приводят к тому, что степень заинтересованности Советского Союза в увеличении внешнего товарообмена все возрастает. Нашей промышленности нужны оборудование, вспомогательные материалы и сырье. Постройка нового завода позволяет производить внутри страны товары, которые ввозились раньше из-за границы. Но для постройки его необходимо предварительно ввезти машины и материалы, которые мы сами не в состоянии еще производить. Всякое расширение работы ныне действующих уже предприятий требует дополнительного ввоза. Индустриализация страны делает ее потенциально более независимой от мирового рынка промышленных изделий. Но самый процесс индустриализации вызывает установление все более тесных связей с мировым хозяйством в течение того периода времени, пока он совершается. При всем значении колониальных и полуколониальных рынков для промышленных стран довоенного времени (для Англии, Германии, Бельгии, Соединенных Штатов), главным рынком для сбыта их продукции в начале двадцатого века все же была индустриализованная Западная Европа. Развитие нашей

промышленности имеет поэтому своим последствием рост спроса Советского Союза на иностранные товары. К этому присоединяется еще и то обстоятельство, что наше крестьянское хозяйство также пред'являет в возрастающей мере требования на товары, которые советская промышленность не может пока ему дать. На этой стороне вопроса мы остановимся еще подробнее в дальнейшем. Здесь же необходимо отметить, что даже большой импортный план, намеченный в августе 1925 г., в сумме свыше миллиарда рублей, не покрывал полностью всех сделанных, и в общем достаточно обоснованных, заявок. Затруднения должны были стать очень острыми, когда план пришлось урезать, примерно, в такой мере, в какой был сокращен экспортный план. И, поскольку многие строительные и промышленные программы были рассчитаны на импорт, который не состоялся, заминки, вытекающие из невыполнения импортного плана сделались неизбежными, и во многих областях они начали уже проявляться.

8. Эти затруднения не могли не приобрести тем большего значения, что еще до наступления 1925/26 хозяйственного года, мы успели уже заангажироваться новыми заказами и покупками в счет того экспортно-импортного плана, осуществление которого должно было начаться с 1-го октября. В частности, были приняты меры по ввозу готовых изделий для снабжения крестьянского рынка и облегчения хлебозаготовительной кампании. При сокращенном экспорте, в последние месяцы 1925 г. и в начале 1926 года пришлось поэтому расходовать иностранную валюту в гораздо большей степени для платежей по старым заказам, чем для размещения новых, и это поставило те отрасли хозяйства, которые нуждаются в иностранных товарах, в особенно трудное положение. При том, сокращение экспорта не могло не создать известного напряжения и в наших банках. Советское государство отвечает за платежеспособность всех своих предприятий, ибо они суть его собственные предприятия; оно не может не платить поэтому тогда, когда отдельные предприятия испытывают затруднения, т. е. в такие моменты, когда в частно-капиталистическом хозяйстве отдельные предприятия перестали бы платить. Германские или польские предприятия банкротятся и не платят

при наступлении финансовых затруднений. Советские предприятия опираются на все государственные ресурсы и продолжают выполнять свои обязательства, как единое целое. Но именно в силу этого платежный механизм и испытывает в трудные моменты концентрированное напряжение. Наша банковая система в полной мере справилась со своими задачами в области международных расчетов, но условием этого не могла не явиться отсрочка ряда новых покупок и заказов, которые народному хозяйству необходимы.

9. Мы останавливаемся сравнительно подробно на положении в области внешней торговли и международных расчетов потому, что именно здесь, по линии соприкосновения с мировым хозяйством, многие затруднения выявляются раньше, чем на других участках хозяйственной работы. То напряженное состояние, о котором мы только что упоминали, должно было привести к постановке вопроса об увеличении наших валютных резервов, несмотря на то, что мы испытываем огромную потребность в импорте иностранных товаров. Нельзя было не обратить внимания на то, что валютные резервы республики были снижены в 1924/25 неурожайном году, который дал, — и не мог не дать, — в области внешней торговли пассивный баланс, главным образом, вследствие ввоза муки. Тогда для расширения импорта и для поддержания путем ввоза иностранных товаров покупательной силы червонца пришлось снизить от $\frac{2}{5}$ до $\frac{1}{3}$ золотое и валютное обеспечение банковых билетов и отказаться от валютного покрытия казначейских билетов, которое практиковалось в течение первых полутора лет после денежной реформы, хотя его и не требовал закон. Совершенно ясно, что не только нельзя было пойти дальше по этому пути, но необходимо было добиваться активного сальдо по торговому балансу 1925/26 г. для увеличения валютных резервов. Это представлялось тем более необходимым, что и валютное напряжение внутри страны требовало этой меры, ибо, если до середины 1925 г. покупка наличной валюты внутри страны превышала продажу, то со второй половины 1925 года стала наблюдаться обратная тенденция. Требования здоровой валютной политики вели, таким образом, к сужению импортной базы, и это обстоятельство приходится рассматривать как один из случаев нарушения хозяйственного

равновесия потому, что, независимо от других, указанных выше, условий состояние цен на внутреннем рынке требовало в то же самое время усиленного ввоза иностранных товаров для поддержания покупательной силы червонца.

10. К числу затруднений и перебоев, которые наше народное хозяйство стало испытывать к концу 1925 года, следует отнести и некоторые явления в работе кредитных учреждений. Подходя к оценке своих перспектив в области развития пассивных операций, на основании опыта прошлого, наши банки, с Государственным банком во главе, ожидали, что первый квартал 1925/26 г. даст значительный приток новых вкладов, и на этом предположении был построен кварталный план развития активных операций. Планирующими органами эти предположения были вполне одобрены. Казалось, что иных предположений, действительно, не может быть. Увеличение денежной массы неизменно сопровождалось у нас в течение последних лет ростом текущих счетов, а, между тем, последний квартал 1924/25 г. дал рост количества денег в обращении кругло на 300 милл., а следующий квартал предусматривал новую эмиссию в 125 милл. Кредитование промышленности и торговли быстро расширялось, и трудно было не ожидать увеличения вкладных операций. На деле такого увеличения не произошло и банкам пришлось работать в условиях большого кассового напряжения. В последний месяц календарного года они с трудом приводили в исполнение данные ранее обещания относительно новых кредитов, и в провинции были жалобы на задержки в текущих платежах.

11. Наконец, начались финансовые затруднения и у промышленных предприятий. Стали даже замечаться явления, которые казались уже совершенно изжитыми. Накануне сроков выдачи заработной платы отдельные предприятия, — и, нередко, крупные, — вынуждены были уже обращаться со срочными и настойчивыми ходатайствами к банкам. Начатые новые строительные работы местами приходилось уже замедлять, сокращать или приостанавливать не только за недостатком оборудования, но и за недостатком средств в советской валюте. Высший Совет Народного Хозяйства поставлен был в необходимость пересмотреть свой план нового строительства. Но так как пересмотр был процессом дли-

тельным, то обнаружались уже симптомы беспланового, т. е. стихийного развертывания и свертывания строительных программ. Пришлось поставить под вопрос и некоторые предположения о темпе расширения работы уже действующих предприятий, вследствие недостатка сырья. Затруднения в области денежного обращения, кредита и внешней торговли начали приводить к перебоям или угрожать перебоями и в области производства.

Этим перечнем не исчерпывается, разумеется, все то, что можно было бы сказать при описании тех затруднений, которые сопутствуют общему росту хозяйства в Советском Союзе. Но для характеристики основных случаев нарушения хозяйственного равновесия мы можем ограничиться тем, что сказано на предыдущих страницах. При анализе приведенных фактов и установлении связи между ними, мы, отчасти, пополним это описание некоторыми новыми чертами.

Перебои и „диспропорция“.

Самое описание содержит лишь такие факты, которые известны и неоднократно обсуждались уже в нашей экономической печати. Но для правильного разрешения вопроса о задачах экономической политики, вытекающих из созданных затруднений, необходимо не только констатировать эти затруднения и указать на ближайшие причины каждого из них, но нужно найти тот основной дефект в хозяйственной работе последнего полугодия, который является общим источником всех перебоев. С этой точки зрения обычные объяснения, ограничивающиеся констатированием того, что хлебозаготовительный план не выполняется вследствие просчетов, допущенных, при его составлении, в отношении* размеров урожая или в отношении учета потребления и натурального сбережения в крестьянском хозяйстве, что экспортный план не реализуется вследствие недостатка зерна и отсутствия «воли к экспорту», что платежные затруднения вытекают из слишком поспешного выполнения импортных планов, что цены на промышленные изделия растут, вследствие недостаточного развития промышленности для удовлетворения крестьянского спроса, а хлебные цены растут вследствие недостатка на крестьянском

рынке промышленных изделий,— все эти объяснения, и другие, подобные им, хотя бы они и были верны, следует признать недостаточными, потому что ими затрагиваются лишь отдельные явления и не вскрывается общая причина, которая порождает всю их совокупность. Надо искать не частных объяснений, а общего объяснения. Необходимо вскрыть основную причину хозяйственного недомогания для того, чтобы уверенно и правильно приступить к лечению болезни. Пестрота симптомов болезни не должна вводить нас в заблуждение. Такая общая причина существует.

Было бы, однако, неправильно утверждать, что никакое общее объяснение в выступлениях последнего времени не было дано. Одно общее объяснение предложено и на нем необходимо остановиться, прежде чем перейти к попытке иного освещения вопроса.

Самое общее и, в этом смысле, самое интересное объяснение наших хозяйственных затруднений в экономической литературе последнего времени, заключается в том, что переживаемые случаи нарушения хозяйственного равновесия вытекают из факта диспропорции между темпом восстановления промышленности и сельского хозяйства. Последнее опередило первое и поэтому промышленность не в состоянии удовлетворить спрос крестьянства на изделия. Е. С. Преображенский («Правда» от 15 декабря 1925 г.) проанализировал и обосновал это положение глубже и полнее, чем это делается обычно, и его аргументация представляется поэтому наиболее существенной. Он подчеркивает значение того обстоятельства, что изменился не только характер крестьянских повинностей и платежей, но, вместе с тем, и характер нашего внешнего расчетного баланса, и что оба эти явления, вместе взятые, внесли крупные изменения в структуру нашего внутреннего рынка. Россия имела до войны активный торговый баланс на очень значительные суммы. Этим активом по торговому балансу страна уплачивала ежегодно проценты по внешней задолженности государства. Наличие крестьянских платежей помещикам, государству, Крестьянскому банку заставляла их продавать хлеб, экспорт которого и позволял свести торговый баланс с активным сальдо и производить вытекавшие из внешней задолженности расчеты. Все это изменилось. Хлеб, который выво-

зился за границу для платежей по займам, может оставаться внутри страны, потому что нет более этих платежей. И крестьянство не вынуждено продавать свой хлеб для активизации торгового баланса, потому что на нем не лежат более те обязательства и повинности, которые существовали в до-революционное время. С соответствующим количеством хлеба крестьянство растает теперь только в том случае, если ему будет предоставлен достойный его внимания эквивалент. Таким эквивалентом могут явиться только изделия обрабатывающей промышленности. С точки зрения спроса на промышленные изделия положение получилось такое, как если бы к стране присоединили новую обширную аграрную область, готовую поставлять продукты сельского хозяйства, но требующую взамен их равноценных промышленных товаров. Мы не получаем хлеба, потому что не даем достаточного количества изделий. Отсюда вытекает задача форсировать развитие промышленности и довести ее производительность до такого уровня, при котором спрос как бы вновь присоединенной аграрной области будет удовлетворен. Тогда восстановится равновесие, которого в настоящее время нет в нашем народном хозяйстве. Другие объяснения этого типа элементарней и менее аргументированы, чем то, которое дает Е. С. Преображенский, но общий характер построения и выводов в них тот же. Мы имеем пассивный для города торговый баланс между промышленностью и сельским хозяйством. Очевидно, что изменить это положение можно только путем расширения производства нашей промышленности до таких пределов, при которых пассивное сальдо будет устранено.

Те явления, на которые ссылается Е. С. Преображенский, действительно существовали или существуют. В этом смысле диспропорция имеется налицо. Рассуждая совершенно отвлеченно, т. е. не учитывая всей современной обстановки, можно, конечно, утверждать и то, что последствия диспропорции должны быть изжиты расширением промышленного производства. Но правильнее было бы сказать другое: что это есть лишь наиболее желательный исход, который можно сделать программой экономической политики ближайшего времени лишь постольку, поскольку он является не только желательным, но и осуществимым. Во-первых,

этот исход, будучи желательным, не является единственным практически возможным. Во-вторых, из факта его желательности ничего еще не вытекает относительно того, в какой мере он в данное время осуществим. И, в третьих, при переходе от общего размышления к постановке конкретных задач для ближайшего будущего, необходимо точно взвесить, к каким результатам может привести разрешение вопроса в указанном направлении, не в меру действительной осуществимости, а сверх этой меры, и не способно ли такое разрешение вызвать последствия, как раз обратные тем, к которым мы стремимся; последующие строки покажут, как и в каких условиях это может произойти.

Крестьянство до революции продавало часть своего урожая в порядке, который по существу был принудительным, и хлеб, реализованный крестьянством, шел на оплату нашей внешней задолженности. Опуская промежуточные звенья, можно сказать, что крестьянство посылало за границу свой хлеб для уплаты по долгам бывшего государства Российского. Экономическое принуждение, лежавшее в условиях существовавшего социального, хозяйственного и финансового строя, побуждало крестьянство давать такое назначение своему хлебу. Крестьянство об этом его назначении не знало, но объективно оно было дано. Теперь обстоятельства изменились. Крестьянство требует за тот же хлеб: плуг, сеялку, фтордзона, кровельное железо, мануфактуру и сапоги. Это ставит нас в довольно большое затруднение, ибо наша промышленность не производит этих предметов в необходимом количестве. Но ведь положение не таково, чтобы за хлеб вообще нельзя было купить трактор или сеялку. Их нельзя купить в настоящее время в пределах Советского Союза, но вне его пределов их возможно достать на советское зерно. Другими словами, если в прежнее время крестьянство слало свой хлеб за границу, не получая за это товарного эквивалента, то теперь оно могло бы послать его за границу за соответствующий товарный эквивалент, раз оно уж настаивает на немедленном его получении. «Диспропорция» не сама по себе создает товарный голод и те затруднения, которые переживает в настоящий момент Советский Союз. Она создает их лишь в той мере, в какой хозяйственные планы (в частности план внешней

торговли) построены так, что за вывезенный хлеб крестьянин не может получить немедленно полного товарного эквивалента.

Между странами аграрными и индустриальными существует ряд промежуточных ступеней. Ни одна из них не представляет таких условий, которые неизбежно вызывают бестоварье. Но менее индустриализированной стране до поры до времени приходится ввозить сравнительно большее количество промышленных изделий—орудий, фабрикатов, полуфабрикатов—из-за границы. Не «диспропорция» ведет к бестоварью. А «диспропорция» в связи с таким построением хозяйственных планов, которое оставляет неудовлетворенным часть платежеспособного спроса экспортирующего свою продукцию населения.

У нас очень охотно и очень много говорят об «увязке» хозяйственных планов. Госплан специально занимается разрешением этой задачи. Но суть затруднений заключается, очевидно, именно, в том, что планы плохо «увязаны» с условиями объективно существующей обстановки.

Утверждение, что недостаток товаров на рынке можно устранить при помощи расширения производства, правильно в общей перспективе, но для проверки его практической применимости в данных конкретных условиях времени и места необходимо рассмотреть, каковы предпосылки расширения производства, к каким ближайшим последствиям оно может привести и в каких пределах оно в данной обстановке возможно. Расширение производства означает не только увеличение предложения товаров. Оно означает предварительно и увеличение спроса на какие-то товары, необходимые для оборудования и работы новых предприятий. Применительно к условиям внешней торговли и к состоянию баланса обмена между городом и деревней это означает следующее. Для расширения производства необходимо часть экспортной выручки затратить на приобретение средств производства, которые через известный срок дадут рынку дополнительно произведенные готовые изделия. И если в данное время на рынке готовых изделий наблюдается бестоварье, то предприятие, поставившее на рынок экспортный продукт, может получить товарный эквивалент лишь к концу этого срока. До этих пор оно должно ограничиться получе-

нием денежного, т.е. в наших условиях «червонного» эквивалента и дожидаться того момента, когда на червонцы можно будет получить товары. Другими словами, поскольку промышленный экспорт для этой цели недостаточен, крестьянство должно кредитовать город на срок расширения производства и соглашаться держать до более благоприятного времени обязательство города в виде банковых или казначейских билетов.

Это—совсем не плохая программа. Необходимо только, чтобы она была приемлема для обеих сторон, как для должника, так и для кредитора. Так как денежное накопление в крестьянском хозяйстве увеличивается, то отсюда следует, что в некоторой мере крестьянство считает такую программу для себя приемлемой. Но только не в той мере, какую ему хотят навязать. Крестьянство своими действиями возражает против предлагаемого ему плана устранения «диспропорции» и мы испытываем на рынке все последствия его возражений.

Таким образом, не диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством сама по себе является причиной наших хозяйственных затруднений. Причиной является такой план борьбы с этой диспропорцией, который построен на намерении отодвинуть момент снабжения крестьянского рынка товарами с тем, чтобы вести пока работу по расширению промышленности за счет валютного кредитования города деревней, т.е. намерения расширить промышленное производство на основе кредитования, лишенного реальной базы в виду нежелания крестьянства выступить в роли кредитора.

Мы рассмотрели вопрос только с одной стороны, так как подошли к нему с точки зрения потребности расширяющейся промышленности в иностранных товарах, т.е. в валютных ресурсах. Но вопрос этот имеет и другую сторону, так как для нового строительства необходимы реальные капиталы не только в виде импортных товаров, но и в виде товаров внутреннего происхождения. Следует еще рассмотреть, где источник этих капиталов и не покоится ли с какого-то момента и план развертывания промышленности за счет капиталов самой страны на необходимости кредитования города деревней, т.е. обнажения крестьянского рынка. Мы думаем, что и на этот вопрос в существующей обстановке

приходится дать положительный ответ. Но мы отложим несколько обоснование этого ответа, так как нам придется еще возвратиться к этой теме в дальнейшем.

Подъем и кредитная экспансия.

Если все частные объяснения переживаемых перебоев неприемлемы по своей недостаточности, если ссылка на диспропорцию между развитием промышленности и сельского хозяйства и на пассивный баланс торговли между городом и деревней, констатируя правильно некоторые факты, все же не дает действительного объяснения наших затруднений, то в чем же следует искать общей причиной тех нарушений хозяйственного равновесия, которые сопровождают процесс роста производительных сил Советского Союза в течение последних шести месяцев и были перечислены на первых страницах настоящего очерка?

Ответ, на наш взгляд, гласит следующее:

Мы переживаем торгово-промышленный подъем на основе кредитно-денежной экспансии или инфляции и этим созданы условия всех наблюдаемых хозяйственных перебоев и затруднений.

Советский Союз переживает в настоящее время фазу хозяйственной конъюнктуры, не представляющую собой ничего необычного для современного хозяйства, фазу вполне типичную и для других стран, но только глубоко модифицированную особенностями советской экономической системы. То обстоятельство, что смена обычных этапов развития хозяйственной конъюнктуры может повторяться и у нас, не является чем-либо неожиданным и странным, ибо мы имеем товарное и при том денежное хозяйство и элементы планового регулирования тесно переплетаются в нашей экономической системе с элементами стихийного выявления действия хозяйственных сил. При том, если наша система ставит себе целью подчинить хозяйственную стихию хозяйственному плану, то это не исключает того, что нередко и хозяйственный план строится под влиянием хозяйственной стихии. Но то обстоятельство, что переживаемая фаза конъюнктуры «модифицирована» и есть, повидимому, одна

из главных причин неправильного ее понимания, а часто и полного ее непонимания. Надо отдать себе отчет в том, какие изменения должны были внести в общую для капиталистических стран смену хозяйственных явлений особенности в организации советской внутренней и внешней торговли, промышленности, денежной и кредитной системы и методы планового регулирования всей хозяйственной жизни для того, чтобы существо совершающихся процессов стало совершенно ясно.

Летом, после года интенсивного промышленного подъема, прекратившегося проедания основного капитала страны, возобновившегося накопления, достаточно устойчивого состояния денежного обращения (несмотря даже на плохой сбор хлебов 1924/25 г.) и в ожидании хорошего урожая и значительного расширения экспорта, страну охватывает то настроение, которое всегда предшествует большому торгово-промышленному подъему и сопровождает его. Со стороны крестьянства ожидается значительный спрос на товары. Потребление города также растет. Розничная торговля спешит пополнить свои запасы. Заказы увеличиваются. Промышленность предвидит возможность получения крупных прибылей, которые могут служить основанием для ее развертывания. Экспорт обещает обеспечить приток иностранных товаров не только для снабжения крестьянского и городского рынка готовыми изделиями, но также и для пополнения запасов сырья и ввоза нового оборудования, которое притом все чаще удается заказывать за границей в кредит. Все данные для оптимистического настроения налицо. В отличие от капиталистических стран это настроение охватывает у нас не частных предпринимателей, а планирующие органы и руководителей государственных и кооперативных предприятий. Зарождается то же массовое оптимистическое настроение, которое десятки раз наблюдалось в соответствующие моменты в Европе и в заокеанских странах, но настроение, действующее еще могущественнее и быстрее, потому что проводником реинений о хозяйственном развертывании является организованный государственный аппарат. Для развертывания хозяйства у нас не потребовалось времени для раскачивания массы формально независимых друг от друга предприятий, как в капиталисти-

ческих странах, а производительные силы могли быть приведены в движение авторитетными постановлениями государственных учреждений. Надо сознаться, что едва ли кто-либо избежал действия этого настроения. Оно было поразительно по своей силе и всеобщности. Проявления его: контрольные цифры Госплана (повидимому, самое яркое из всех проявлений); хлебозаготовительный план, экспортный план, многочисленные отдельные импортные планы, утвержденные в течение лета 1925 года, первоначальный импортный на 1925/26 год на миллиард с лишним рублей, план вложения в основные капиталы по всем отраслям хозяйства (в государственные предприятия и через посредство государственных ассигнований) 2,300 милл. рублей и в частности, в промышленность около миллиарда, государственный бюджет в четыре миллиарда рублей, кредитный план Государственного Банка на четвертый квартал 1924/25 г. с эмиссией около 300 милл., проект выпуска в течение одного года займа хозяйственного восстановления на сумму в 300 милл. рублей, проект, не предусмотревший того, что промышленность не ограничится суммами, предоставляемыми ей по этому займу, а будет вкладывать в основные капиталы все свои собственные новые накопления, снимая с денежного рынка большую часть тех средств, без наличия которых крупный заем должен повиснуть в воздухе. Все — планы, оказавшиеся неосуществимыми. Но планы, к осуществлению которых страна приступила, пойдя тем самым по пути все более возраставших затруднений.

Несколько цифр, характеризующих темп этого развертывания до того момента, когда затруднения обнаружились уже с полной очевидностью и стали предметом обсуждения в печати и в государственных учреждениях.

Стоимость продукции государственной промышленности составляла в январе 1925 года 389 милл. руб., в июле — 389 милл. руб., в августе — 430 милл. руб., в сентябре — 514 милл. руб., в октябре — 540 милл. рублей.

Добыча угля в Донецком Бассейне составляла в январе 1925 г. — 1.051 тыс. тонн, в июле — 1.020 тыс. тонн, в августе — 1.000 тыс. тонн, в сентябре — 1.245 тыс. тонн, в октябре — 1.527 тыс. тонн.

Валовая продукция металлопромышленности составляла по довоенным ценам в январе 1925 года — 38 милл. руб., в июле — 42 милл. руб., в августе — 46 милл. руб., в сентябре — 58 милл. руб., в октябре — 62 милл. руб.

Выработка хлопчато-бумажной пряжи достигала в январе 1925 г. — 14,6 т. тонн, в июле — 12,9 т. тонн, в августе — 17,2 тыс. тонн, в сентябре — 20,9 тыс. тонн, в октябре — 22,1 тыс. тонн.

Грузооборот железных дорог исчислялся (в миллионах тонн) в следующих цифрах: январь 1925 г. — 6,00; июль — 7,06; август — 7,92; сентябрь — 8,74; октябрь — 9,95.

Обороты Московской Товарной Биржи дали в январе 1925 г. — 227 милл. рублей; в июле — 317 милл. руб., в августе — 249 милл. руб.; в сентябре — 465 милл. руб. и в октябре — 467 милл. рублей.

Ввоз товаров из-за границы составлял в январе 31,8 м. р.; в июле — 66,7 м. р.; в августе — 45,7 м. р.; в сентябре — 76,3 м. р.; в октябре — 82,5 м. р. («Экономический Бюллетень Конъюнктурного Института», № 1, 1926 г.).

Все признаки торгово-промышленного под'ема были налицо.

Но для под'ема недостаточно, конечно, того «настроения», о котором речь шла выше. Такое настроение обычно предшествует хозяйственному расширению и сопровождает его, но для него необходима, прежде всего, материальная база, без которой оптимистическое настроение, если бы оно по какой-либо причине и возникло, увяло бы, не успевши расцвести. И опять-таки у нас, как нередко бывает в аналогичных случаях в странах с иной организацией хозяйства, одной из могущественнейших предпосылок торгово-промышленного развертывания явилась кредитная экспансия. Учетно-ссудные операции Государственного Банка дали за третий квартал 1924/25 г. увеличение на 154 милл. рублей, а за четвертый квартал на 303 милл. руб., не считая кредитов на хлебозаготовки. Баланс одного Госбанка возрос с 1 апреля по 1 октября с 2.459 милл. руб. до 3.413 милл. руб., т.е. почти на один миллиард рублей. Четыре крупнейших акционерных банка (Торгово-Промышленный, Банк для Внешней Торговли, Всероссийский Кооперативный и Московский Городекой) дали увеличение

учетно-судных операций в третьем квартале на 102 м. р., а в четвертом на 104 м. р. Сводный баланс их увеличился за то же полугодие от 635 м. р. до 1064 м. р. В дальнейшем темп роста несколько сократился. Но развитие активных операций все же продолжалось, несмотря на то, что к началу первого квартала текущего хозяйственного года в области кредита уже остро чувствовались последствия кредитного расширения, вышедшего за рамки реальных ресурсов страны. Учетно-судные операции Госбанка возросли за октябрь—декабрь месяцы еще на 208 м. р., хотя текущие счета предприятий, вступивших в полосу работы при большом финансовом напряжении, не дали уже за этот период никакого прироста.

В какой мере именно кредитная экспансия создала предпосылку для торгово-промышленной горячки, видно, в частности, из тех наблюдений, которые высказывались во время обсуждения осенней хозяйственной конъюнктуры в плановых учреждениях. Рынок даже не сразу воспринял всю ту массу новых средств, которые предоставляла ему кредитная система, и сперва возвращал их обратно в банки (особенно в августе и сентябре) в виде вкладов, что казалось парадоксальным в те месяцы, когда деньги обычно быстро рассасываются в стране (заготовки сырья), лишь постепенно притекая снова в кредитные учреждения. Рынок не воспринял сразу денег в ожидавшейся мере, потому что кредитная система, подстегнутая широкими планами хозяйственного строительства, пошла на первых порах впереди этих планов и мы спохватились лишь тогда, когда банки перестали уже поспевать за темпом развертывания хозяйства.

* * *

Коренное явление последнего полугодия 1925 года — интенсивное развертывание хозяйства на почве расширения банковского кредита. Торгово-промышленный подъем такого рода всегда упирается в конце-концов в то, что выходит за пределы реальных ресурсов страны. Срок зависит от объема этих ресурсов и от того, с какого момента расширение кредитования переходит в кредитно-денежную инфляцию. Такой переход произошел у нас в конце лета. Если

датировать быстрое хозяйственное расширение со времени денежной реформы, то подъем на основе, в общем, достаточно реальной, длился более года. Но положение во вторую половину этого периода было уже напряженным. К концу лета 1925 года подъем перешел уже в высокую торгово-промышленную конъюнктуру на базе кредитной экспансии. Реальные ресурсы — плоды накопления, особенно те ресурсы, которые могли быть втянуты в сферу расширяющегося государственного хозяйства, остались с этого времени позади тех средств, которые кредитно-эмиссионный аппарат представлял хозяйственным предприятиям для дальнейшего развертывания их работы.

Последствия инфляции.

Каковы должны быть последствия хозяйственного подъема на основе кредитной инфляции и совпадают ли они с тем, что у нас соблюдалось в действительности?

Высокая конъюнктура неизменно сопровождается ростом цен тем более усиленным, чем в большей мере она опирается на увеличение платежных сил населения в порядке расширения кредитования и эмиссии новых денег. Из всех описаний конъюнктурных циклов известно, что время подъема всегда характеризуется ростом цен и недостатком товаров, а период кризиса и последующей депрессии — падением цен и избытком товаров на рынке. Все описания всегда наиболее красноречиво изображали появление вслед за кризисом огромных нереализуемых товарных запасов на складах, к которым население не имеет доступа вследствие безработицы и отсутствия платежных средств. Наоборот, период выпяченной конъюнктуры, несмотря на расширение производства, никогда не бывает отмечен видимым избытком товаров. Если в других условиях, чем наши, соотношение темпа роста различных цен бывает иное, чем то, которое мы наблюдаем с осени 1925 г. в Советском Союзе, то это объясняется особенностями нашей хозяйственной обстановки, а не коренными различиями в исследуемых хозяйственных процессах. Часто оптовые цены растут быстрее розничных, потому что последние отличаются большим консерватизмом, а оптовые цены ориентируются не только по состоянию по-

требления готовых товаров данного дня, а еще и по предвидимому (хотя в последний период под'ема и ошибочно предвидимому) дальнейшему увеличению спроса. У нас отпускные цены трестов сравнительно неподвижны, потому что они зафиксированы постановлениями государственных учреждений. Наоборот, розничные цены в частной торговле быстро следуют у нас за повышательной тенденцией спроса. При том, что в высшей степени существенно, на рост розничных цен на промышленные изделия у нас оказало сильное влияние состояние крестьянского рынка влед за хорошим сбором хлебов, обстоятельство, которое могло совпадать с промышленным под'емом, но не было неизбежным его спутником. Обычно усиленный рост цен наблюдается в отношении средств производства. У нас это лишь отчасти имеет место (как мы отметили уже выше, относительно строительных материалов), потому что средства производства (уголь, нефть, железо, чугун, сталь и проч.), являются продуктами крупной государственной промышленности, которая отпускает товары по фиксированным ценам.

Но общая тенденция оставалась вполне обычной. Возрос спрос на рабочие руки, увеличилась заработная плата, повысился благодаря урожаю спрос деревни, розничная торговля обнаружила, что ее запасы товаров быстро тают и стала предъявлять требования оптовикам, антиципируя уже при этом дальнейшее повышение спроса, бойкий ход торговли, особенно в наших условиях (при «разрыве» между оптовыми и розничными ценами) сильно увеличил барыши в частной торговле и часть этих барышей в свою очередь, обращена была на покупку предметов потребления. Рост цен в связи с системой их регулирования частично превратился в бестоварье. Бестоварье обнаружилось не только на рынке готовых изделий, но и на рынке средств производства. Мы имеем недостаток топлива и строительных материалов, не говоря уже о недостатке привозных средств производства. Наши железные дороги местами начинают не справляться с перевозкой грузов. Вероятно, мы вскоре будем наблюдать, поскольку наша экономическая политика не успеет во-время свернуть на иной путь, — недостаток еще и в других товарах и услугах. Форсированный под'ем у нас, как и всюду, несмотря на расширение производства, харак-

теризуется не избытком товаров, а недостатком их, ибо расширяющееся хозяйство не только создает новое предложение товаров, но создает также и новый спрос на них. По мере перехода к производству средств производства оно удлиняет продолжительность производственных процессов, обеспечивает значительное увеличение готовой продукции в будущем, но само требует для реализации своих планов расширенной продукции уже в настоящем. Это есть одна из важнейших сторон вопроса, на которую до совсем недавнего времени у нас обрали недостаточное внимание и к которой мы возвратимся подробнее в связи с анализом положения специально на крестьянском рынке.

Крестьянство не вывезло на рынок того количества хлеба, которое государство предполагало получить по своим заготовительным программам и цены на хлеб вопреки ожиданиям повысились с сентября 1925 г. Меньше всего это объясняется тем, что размеры урожая оказались несколько ниже тех итогов, которые показали первоначальные подсчеты. В большей мере это объясняется тем, что крестьяне сами определили размеры своих хлебных излишков, подлежащих реализации, совсем иначе, чем их исчисляли наши статистические учреждения: они гораздо больше положили на собственное потребление, на прокорм скота, на восстановление запасов на случай неурожая. Они также стали заниматься, подобно городу, восстановительным процессом и при том они стали вести его в форме, соответствующей обстановке (созданной недостатком промышленных товаров, налоговой политикой, политикой кредитования сельского хозяйства), т.-е. в форме натуральной. Некоторую роль в повышении хлебных цен на первых порах сыграла коммерческая тактика крупных государственных и кооперативных хлебозаготовителей. Именно в стыке между промышленностью и сельским хозяйством получились одни из самых острых хозяйственных затруднений последнего периода. Анализ их причин имеет особенно существенное значение.

Под'ем и бестоварье.

Почему, действительно, расширение промышленности не обеспечило вовлечения в оборот большего количества кре-

стьянского хлеба? Ответ может быть лишь один: потому, что торгово-промышленный подъем в том виде, в каком он совершался, не дал и не мог дать деревне новых товаров. Сейчас еще трудно подобрать материалы, достаточные для того, чтобы точно доказать это положение с исчерпывающей полнотой. Но все данные говорят за то, что расширением производства мы не преодолевали бестоварья, а может быть даже и обостряли его. Это можно обосновать рядом примеров и соображений.

Число рабочих возрастало почти непрерывно в течение истекшего года вплоть до настоящего времени. В государственной промышленности оно составляло в январе 1925 г. — 1.413 тыс., в июле — 1.545 тыс. и на рубеже 1926 г. — 1.859 тыс. человек. Последний год дал, таким образом, увеличение на 450 с лишним тыс., сопровождавшееся ростом средней месячной заработной платы, примерно, на 10 руб. (от 40 руб. до 50 р.). Увеличение месячного дохода рабочих в государственной промышленности к концу года по сравнению с его началом составляло, таким образом, приблизительно 36 милл. рублей. Можно считать, что около половины этой суммы, или 18 милл. руб. расходуется на приобретение промышленных товаров. Но возросли не только доходы рабочих (как вследствие увеличения их числа, так и вследствие повышения заработной платы) в государственной промышленности, но также и в транспорте, в жилищном строительстве, возросли доходы служащих, ремесленников и кустарей, наконец, сравнительно крупные доходы частных промышленников и особенно торговцев. Если считать, что рабочие государственной промышленности составляют около $\frac{1}{4}$ неземледельческого населения, имеющего самостоятельный заработок, то можно, повидимому, без преувеличения допустить, что некрестьянские доходы, обращаемые на покупку промышленных товаров, составляли на рубеже 1926 года на 75—80 милл. рублей в месяц больше, чем в январе 1925 г.

Если доходы в дальнейшем будут стоять на уровне рубежа 1926 года, то для удовлетворения спроса городского и промышленного населения необходимо будет предоставлять ему ежемесячно на 75—80 милл. руб. промышленных това-

ров больше, чем в январе 1925 г. Что может дать в этом отношении промышленность?

Январьская продукция легкой промышленности 1925 г. составила в довоенных ценах 110 милл. руб., что довольно близко соответствует средней годовой продукции 1924/25 г. (112 милл. руб. в месяц) Если 1925/26 г. даст по сравнению с предшествующим увеличение в 40%, то средняя месячная продукция легкой промышленности поднимется до 157 милл. руб.; это составляет по довоенным ценам на 47 милл. руб. больше, чем в январе 1925 г., т.-е. в том месяце, который мы взяли за основание для сравнения. По современным ценам это составит, примерно, в два раза больше, т.-е. около 95—100 милл. руб. в месяц. Эти расчеты, конечно, гипотетичны, но, во всяком случае, они иллюстрируют одно: расширение хозяйственного строительства в том виде, в каком оно совершалось, почти не дает новых товаров для деревни. Город потребляет большую часть того, что он дополнительно производит. Может быть, не $\frac{3}{4}$ — $\frac{5}{6}$, как вытекает из приведенных цифр, а несколько меньше. Но, может быть, и несколько больше. Не исключено, что на долю деревни пришлась совершенно ничтожная часть дополнительной продукции промышленных товаров.

Иначе оно, при существующем характере развертывания хозяйства, и быть не могло. Первый квартал 1924/25 г. (весь) дал продукцию тяжелой промышленности по довоенным ценам в 260 м. р., а последний квартал — в 340 м. р., т.-е. на 30,7% больше. По легкой промышленности соответствующие цифры составляют 295 милл. руб. и 355 м. р., т.-е. на 20,7% больше. Это означает, что относительно большая доля продукции легкой промышленности должна была пойти на удовлетворение спроса городского и промышленного населения.

Первоначальный план капитальных затрат рассчитан был на вложение в основные капиталы по всем видам строительства 2.307 милл. р. в течение 1925/26 года против 1.127 м. р. в 1924/25 г., т.-е. суммы почти на 1.200 милл. руб. большей. О природе и хозяйственных последствиях капитальных затрат у нас довольно широко распространено ошибочное представление. Все средства, идущие на капитальные затраты, превращаются в заработную плату и прибыль пред-

приятий, выполняющих заказы, или идут на оплату сельскохозяйственного сырья. Эти средства, за исключением той части прибыли, которая не вкладывается, в свою очередь, в дело, появляются на товарном рынке, представляя спрос на предметы потребления, между тем, как самые затраты могут дать эффект в смысле увеличения производства предметов потребления лишь в будущем, а не в настоящем. Если исходить из того, что лишь 50% новых, по сравнению с прошлым годом, капитальных затрат, требуют эквивалента в виде готовых изделий промышленности, то это при первоначальных планах должно было бы дать увеличение спроса на 600 м. р., т. е. такого спроса, который, при наличности прочих, упомянутых уже условий, не может быть удовлетворен увеличением производства промышленных товаров. Ибо, надо иметь в виду, что этот расчет по капитальным затратам не покрывает предыдущего, а только перекрещивается с ним. Увеличение числа рабочих в промышленности, производящей предметы массового потребления, само по себе увеличивает уже спрос на них. В том же направлении действует увеличение заработной платы в старых учреждениях и предприятиях. Сокращение капитальных затрат на $\frac{1}{5}$, как оно было предположено в последнее время ВСНХ, не спасло бы в таких условиях положения даже в том случае, если бы этот коэффициент сокращения был распространен на все хозяйственное строительство.

Крестьянская оборона.

Как ни подчеркивалось в конце лета 1925 г. значение широкого снабжения крестьянского рынка промышленными товарами, совокупность хозяйственных планов оказалась построенной так, что дополнительных товаров для этого рынка народное хозяйство фактически выделить не могло.

От создавшегося положения крестьянство и стало обороняться сокращением подвоза зерна. И, тем не менее, конъюнктура рынка оставалась для него осенью отнюдь не благоприятной. С точки зрения невыполненных хлебозаготовительных и экспортных планов тактика крестьянского хозяйства могла казаться наступательной. С точки зрения дей-

ствительного состояния рынка в деревне, она, по крайней мере до поздней осени, оставалась только оборонительной. Правда, цены на хлеб непрерывно росли. Но это был номинальный рост, отражавший только избыток денег в обращении. Позиция крестьянства была сильной, покуда оно не продавало хлеба, откладывало запасы, не давало вовлечь свои ресурсы в орбиту государственно-организованного хозяйства. Но она становилась слабой, коль скоро оно выступало на рынке. Соотношение между хлебными ценами и ценами промышленных товаров в деревне изменялось осенью не в пользу крестьян, что и должно было иметь место в период кредитно-денежной инфляции, которая, при твердом курсе червонца, должна быть сильнее всего по экспортным отраслям хозяйства, отрезая их от внешнего рынка. Действительно, инфляция повышает все цены в их номинальном выражении. Но для тех отраслей, которые реализуют свои товары на внутреннем рынке, это повышение не связано определенными пределами, между тем, как для тех, которые вывозят свою продукцию, граница дана мировой золотой ценой, переведенной по твердому курсу в местную валюту. Конечно, инфляция может дойти до таких пределов, что цена «экспортного» товара перескочит эту границу. Но это не облегчает положения «экспортирующих» отраслей хозяйства, ибо, отрезанные от внешнего рынка, они вынуждены понижать, хотя бы лишь относительно, цены своих продуктов.

При таких условиях крестьянство, несмотря на благоприятную для него налоговую и кредитную политику, все же оказалось на осеннем рынке слабейшей стороной. Цены на хлеб возрастали номинально, а не реально. Если взять крайний случай — заготовительные цены ржи, которые государственные органы платили крестьянам, и цены, которые крестьяне уплачивали частным торговцам за промышленные товары (по материалам ВЦСПС), то получается следующая динамика эквивалентов. (См. табл. на стр. 34).

1-го июля мы имели еще высокие хлебные цены, как вследствие неурожая предшествующего года. Повышение хлебного эквивалента к 1-му сентября вполне нормально, и оно сопутствовало падению хлебных цен. Но с 1-го сентября хлебные цены уже имеют тенденцию повышаться, а экви-

	Число фунтов ржи за ед. товара		
	На 1 июля	На 1 сентября	На 1 ноября
Сапоги (пара).....	472	771	945
Ситец (аршин).....	11	17	32
Сукно (аршин).....	168	226	395
Полотно (аршин)....	29	39	71
Керосин (фунт).....	1,8	2,5	3,1
Мыло (фунт).....	6,8	9,5	11,5

валент за промышленные товары в ржи тем не менее растет. Эта тенденция, естественно, обнаруживается гораздо слабее, если брать не заготовительные цены государственных организаций, а средние заготовительные цены, учитывающие также цены частных хлеботорговцев. И она становится еще слабее, если брать, при средних заготовительных ценах на рожь, уездные кооперативные цены на промышленные товары. Но показательно, что во всех случаях та же тенденция, хотя и с ослабленной силой, все же остается.

Импортные и финансовые затруднения.

Но каковы бы ни были все эти меновые эквиваленты, для того, чтобы создать затруднения в области экспорта, достаточно было и номинального роста цен на все экспортные товары. Вывоз товаров находится у нас почти исключительно в руках государственных и кооперативных организаций и, по крайней мере, первым из них правительственная власть может предложить вывозить товары даже в том случае, если экспорт сопровождается некоторыми убытками. Но опыт показал уже, что провести в жизнь нерентабельный экспорт, даже при помощи государственных организаций, дело очень трудное, если эти организации работают на основе хозяйственного расчета. Работа предприятия в условиях денежного хозяйства имеет свою внутреннюю логику, которую

нелегко преодолеть, если даже признать, что преодолеть ее в данный момент, по тем или другим соображениям, необходимо.

Что из экспортных затруднений должны были вытекать все неблагоприятные осложнения в области импорта, со всеми последствиями, связанными с недостатком в привозных товарах, не требует никаких доказательств и пояснений.

Осложнения, характеризующие современное хозяйственное положение, не могли остаться незамеченными, о них много говорилось уже при обсуждении кредитного плана на первый квартал текущего хозяйственного года, но они проявились в ноябре—декабре с гораздо большей остротой, чем это предвидели при составлении кредитного плана. По состоянию денежного, валютного и товарного рынка новую эмиссию нужно было прекратить уже в первом квартале. Этого не было сделано, но она была ограничена суммой в 125 милл. руб., в расчете на значительный приток новых средств на текущие счета кредитных учреждений и на соответствующее расширение учетно-судных операций. Расчет оказался ошибочным. Размах торгово-промышленного под'ема, основанного на осенних планах и на размерах ранее допущенного кредитования, требовал более значительных средств, чем те, которые были предусмотрены при разработке кредитного плана на первый квартал. Новое строительство вызвало вложение оборотных средств и прибылей промышленности в ее основные капиталы и повело к тому, что коммерческие текущие счета в банках не дали никакого прироста.

Точные размеры сумм, вложенных промышленностью в основные капиталы с начала текущего года, еще не установлены. Однако, приблизительные исчисления уже имеются, и они рисуют следующую картину. Наличными деньгами и материалами с 1-го октября по 20-е января по всей промышленности (союзной, республиканской и местной) затрачено около 150 милл. рублей и, сверх того, выдано обязательств по заказам на сумму около 163 милл. рублей. Между первой и второй категорией затрат с народно-хозяйственной точки зрения нет существенной разницы. Всякое вложение капитала, оплачено ли оно уже или еще не оплачено, израсходован ли уже материал или он находится в стадии за-

готовления, представляет иммобилизацию хозяйственных благ в целях будущего производства, и источником его может быть лишь один и тот же общий товарно-денежный фонд. Произведена ли затрата за счет средств строящегося предприятия или же авансирована за счет средств предприятия, принявшего заказ и согласившегося отсрочить уплату его стоимости, под этим углом зрения совершенно безразлично. Судя по тем цифрам, которые в настоящее время уже подытожены, расходы первого квартала исходили из расчета годовых затрат не менее, чем в миллиард рублей. Такой размер затрат не соответствовал состоянию реальных ресурсов страны, его можно было финансировать только в порядке инфляционного кредитования или в порядке иммобилизации оборотных капиталов страны, или, наконец, в обоих порядках, вместе взятых.

Из этого с неизбежностью проистекали кассовые затруднения кредитных учреждений, стремившихся или вынужденных выполнять активные операции, предусмотренные их планами, но не получившие тех ресурсов, поступление которых предусматривалось планом их пассивных операций. Из этого же стали проистекать и все те перебои в промышленности, которые были перечислены в начале настоящего очерка: финансовые затруднения, срочные обращения к банкам за помощью, заминки в развертывании работы согласно намеченных производственных программ.

Как ни разнообразны симптомы недомогания, расстраивающего развитие нашего хозяйства в течение последнего полугодия, все они восходят, таким образом, к одному общему источнику, имея своим основанием кредитно-денежную инфляцию, как фактор форсированного торгово-промышленного под'ема. Это основание объясняет все заминки, перебои и затруднения, в условиях которых мы живем, и этого достаточно, чтобы от диагноза болезни перейти к рассмотрению способов ее лечения.

Проекты устранения перебоев.

Остановимся сперва на тех способах, которые довольно часто предлагаются в последнее время. Некоторые из них носят более частный, другие — более общий характер.

Премирование экспорта.

1. Наиболее чувствительны в конце 1925 года стали затруднения по линии внешней торговли. Недостаток экспорта означает сжатие импорта, отсутствие необходимого оборудования для дальнейшего строительства или материалов и сырья для продолжения, а тем более, для расширения работы. Вполне естественно, что на эту сторону вопроса устремлено усиленное внимание. Одна из предлагаемых мер сводится к форсированию вывоза при помощи премирования экспорта, т.-е. покрытия тех убытков, которые связаны в настоящее время с экспортной торговлей. Эта мера предлагается в различных вариантах, на деталях которых мы можем здесь не останавливаться.

В настоящих трудных условиях, когда быстрое увеличение экспортной выручки настоятельно необходимо, мы можем признать и эту меру приемлемой, если она будет проводиться достаточно обдуманно и осторожно и не поведет к разбазариванию государственных средств и к бесхозяйственности в работе экспортирующих организаций.

Но необходимо отдать себе ясный отчет в том, что эта мера может носить лишь временный и чрезвычайный характер, ибо иначе указанные ее отрицательные последствия совершенно неизбежны. Премирование экспорта в той или другой отрасли промышленности, при наличии специальных условий, не имеет ничего общего с тем широким и, можно сказать, огульным мероприятием, которое иногда проектируется в целях борьбы с последствиями нерентабельности экспорта. Такое широкое премирование не может не расшатывать самих основ здоровой хозяйственной работы, ведя к небрежному отношению, к накладным расходам, к учету себестоимости и т. д.

Но, кроме того, — и это еще важнее, — покрытие убытков по экспорту является лечением не самой болезни, а только одного из ее симптомов. Народное хозяйство страны не может существовать благополучно при условии, когда строение товарных цен делает его общение с мировым хозяйством невозможным. Выбрасывание денег на премирование экспорта только позволяет сохранять или усугублять действие тех факторов, которые образуют самую основу пере-

живаемых затруднений. При таких условиях логика вещей должна повести к постепенному усилению премиривания, ибо оно загоняет болезнь внутрь организма, вместо того, чтобы выявить и лечить ее. Такова судьба всякого лечения симптомов. Дозы предлагаемого средства приходится все более увеличивать, действие этого средства становится все более слабым, а болезнь продолжает развиваться.

Покрытие убытков по экспорту приемлемо лишь в качестве временной, осторожно проводимой и частичной меры, при условии, что одновременно происходит лечение и самой болезни.

Финансовая политика и крестьянство.

2. Другое, часто выдвигаемое мероприятие заключается в изменении финансовой политики в отношении к крестьянству, в целях усиления реализации продуктов сельского хозяйства и, главным образом, зерна. Мы оставляем в стороне всю политическую сторону вопроса, хотя это не означает, конечно, что ее возможно обойти при его разрешении.

Бесспорно, что крестьянские платежи стали гораздо меньше, чем они были в дореволюционное время и что верхний по зажиточности слой крестьянства распоряжается своими натуральными запасами гораздо свободнее, чем раньше. Запасы зерна в деревне есть, и финансовыми мероприятиями можно было бы добиться того, чтобы крестьяне продавали больше хлеба, чем в настоящее время. Политика сельско-хозяйственного кредита не всегда была достаточно сообразована с общими народно-хозяйственными задачами, а политика кредитной дисциплины в деревне, повидому, почти всегда была совершенно ни с чем несообразна. И мы поэтому не отрицаем, что создавшееся положение позволяет и даже понуждает принять в этой области ряд финансовых мер.

Однако, не следует все же игнорировать те замечания, которые сделаны были выше, и думать, что эти меры могут иметь самодовлеющее значение. По оптовому индексу Госплана мы имеем на 1 января 1926 г. (основание—1913 г.) показатель цен для сельско-хозяйственных продуктов — 169,4, а для промышленных товаров — 198,2. По индексу розничных цен Конъюнктурного Института мы имеем в первом слу-

чае показатель цен — 208,0, и во втором — 248,0. При том эти индексы совсем не показывают действительного соотношения цен между обеими группами, по сравнению с довоенным временем. Во-первых, потому, что рожь есть рожь, лен есть лен, масло есть масло, теперь, как и в 1913 году, и различия в качестве этих продуктов в общем и целом мало существенны, если сравнить современное их состояние с тем, что было двенадцать лет назад. Но нынешнее сукно, нынешний ситец, нынешняя сбруя, нынешняя сельско-хозяйственная машина отличаются от довоенных по своему качеству в очень значительной степени. Индексы совсем не отражают этих изменений. И, во-вторых, ни индекс розничных цен Конъюнктурного Института, ни, тем более, индекс оптовых цен Госплана, не исчислены на основании тех цен, которые крестьяне в среднем действительно получают за свои продукты, и тех цен, которые крестьяне в среднем действительно уплачивают за промышленные изделия. «Ножницы» сжалась по сравнению с тем, что имело место в течение недавних лет, но они еще существуют, они значительней, чем это обнаруживают наши статистические исследования, и, как мы показали выше, осенью 1925 г. раствор между их лезвиями порой расширялся, если принять во внимание те действительные рыночные отношения, которые существовали на крестьянском рынке.

Поэтому политика извлечения большего количества хлеба и понижения цены на него при помощи финансовых мероприятий может быть здоровой политикой лишь в том случае, если она будет сопровождаться политикой лучшего снабжения крестьян более дешевыми товарами, более дешевыми не только в правлении треста, но и в той лавке, где крестьянин покупает товар. Однако, в этом случае мы восходим к общему вопросу об оздоровлении всего товарного рынка, т.-е. к вопросу о таких мероприятиях, которые должны устранить всю совокупность затруднений, характеризующих переживаемый фазис хозяйственной конъюнктуры.

Изменение валютной политики.

3. Цены нужно снизить, чтобы восстановить возможность более широкого внешнего товарообмена. На констатирование этого факта опирается радикальное предложение, которое

в последнее время нашло довольно многочисленных адептов. Ведь, для восстановления внешнего товарообмена вовсе не необходимо снизить цены в их номинальном выражении, т. е. в червонцах, рублях и копейках. Достаточно снизить их в реальном золотом выражении или в долларах и фунтах стерлингов. Вывоз леса или масла затруднителен лишь до тех пор, пока за доллар, выручаемый за границей, Государственный банк дает 1 р. 94 коп. Если он будет платить за него на 10—20% больше, т. е. 2 р. 14 коп., или 2 р. 33 коп., то экспорт станет уже рентабелен. Так не проще ли, вместо снижения всех товарных цен в копейках и рублях, оставить внутренние цены без изменения и снизить один только курс червонца. Рентабельность экспорта будет восстановлена, вывоз товаров увеличится, приток валюты возрастет, импорт товаров может быть расширен, товары, необходимые для развертывания производства и для нового строительства, будут ввезены из-за границы. Имевшее место в течение последнего полугодия, а, может быть, даже и более долгого срока, повышение цен, — хотя бы оно и объяснялось инфляцией, — будет фактически изжито, ибо в реальном золоте цены испытают, в связи с изменением курса червонца, необходимое снижение. Мало того, даже дальнейшее развертывание хозяйства, путем продолжения политики кредитной инфляции, не представит опасностей и не будет сопровождаться всеми теми затруднениями, с которыми нам приходится считаться теперь, если и в будущем падению покупательной силы червонца будет соответствовать снижение его курса в отношении к устойчивым иностранным валютам. Последнее соображение пока еще не высказывается, но все остальные утверждения уже формулированы и вылились в конкретные предложения.

Формула соблазнительно проста. Вместо сложных мероприятий и тяжелого процесса лечения предлагается лишь небольшая операция как-будто чисто местного значения, и, вместе с тем, обладающая чудодейственным свойством избавить от множества недугований все народное хозяйство. Не учитывается лишь то обстоятельство, что хотя операция и является небольшой, но произвести ее необходимо над органом, который образует центр кровообращения хозяйственного организма. Такие операции бывают опаснее всяких дру-

гих, и неприятная их сторона заключается в том, что чаще других они бывают смертельны.

Изменение курса червонца не есть изменение одной из огромного числа товарных цен, а есть изменение цены такого «товара», который имеет определяющее значение для всей системы ценностных отношений в народном хозяйстве. Понижение курса червонца, т. е. повышение курса иностранной валюты прежде всего должно иметь своим прямым последствием подьем цен на все импортные товары, составляющие существенную статью в издержках производства готовых изделий. Повышение курса иностранной валюты должно сопровождаться и повышением цен на экспортные товары, ибо в этом ведь заключается самая цель отказа от золотого паритета. Все это означает уже всеобщий подьем цен, выраженных в советской валюте. Подьем тем более значительный, что он не может не сопровождаться повышением заработной платы, реальное содержание которой иначе бы упало. При всеобщем изменении цен в направлении их повышения, неизбежно пред'явление новых требований к кредитным учреждениям для пополнения денежной части оборотных капиталов промышленных и торговых предприятий. Это — новый толчок к дальнейшей инфляции и, следовательно, к дальнейшему изменению курса и цен. Конечно, на каком-то новом уровне хозяйственное равновесие может в конце концов установиться, но совершенно очевидно, что для этого требуется длительный срок, полный огромных ценностных сдвигов и серьезных хозяйственных потрясений. Операция, казавшаяся простой, оказывается совсем не безобидной.

Однако, этим отнюдь не исчерпываются возражения против предполагаемого валютного мероприятия. И, может быть, даже в существующей обстановке другие возражения имеют еще более существенное значение.

Необходимо твердо помнить, что мы имеем очень молодую денежную систему, над которой без крупного риска нельзя производить какие-либо эксперименты. Денежная масса, циркулирующая в стране, и достигающая цифры 1¼ миллиардов рублей, создана почти целиком в течение последних 2—3 лет и возможность ее устойчивого существования покоится на том, что население приемлет червонцы и рубли в качестве орудий сбережения в денежной форме.

Все то, что могло бы поколебать доверие к денежной системе, было бы поэтому глубоко опасно. Падение доверия сопровождалось бы настойчивым желанием держателей бумажных денег обратить их, если не в золото и иностранную валюту, то, по крайней мере в товары, цены на которые, как мы только что показали, при отказе от паритетного курса, должны были бы возрасти. А это означало бы не что иное, как обострение товарного голода, т.е. усиление именно той болезни, лечение которой составляет задачу дня. Допустить, что изменение курса и сопровождающее его повышение товарных цен не поколебало бы доверия к денежной системе, значило бы предаваться ничем не оправдываемому оптимизму. Допустить же, чтобы это доверие было поколеблено, значило бы идти навстречу затруднениям и опасностям гораздо худшим, чем те, которые приходится преодолевать в настоящее время. И надо прибавить к этому, что речь идет о сохранении доверия к нашей валюте и нашему финансовому положению не только внутри страны, но также и за границей и что вопрос, таким образом, тесно связан с нашей кредитоспособностью на иностранных рынках.

Народно-хозяйственные затруднения сопровождалась бы еще и финансовыми перебоями. Бюджетной работе угрожало бы глубокое расстройство, и дело государственного кредита, которое стало налаживаться сколько-нибудь удовлетворительно лишь в самое последнее время, пришло бы в полный упадок. Советские займы выражены в советской валюте и не могут быть ныне выражены в какой-либо иной. Вложение сбережений и капиталов в государственные процентные бумаги поэтому связано с уверенностью в том, что валюта устойчива и что погашение, обещанное через несколько лет, не только номинально, но и реально (по крайней мере, в отношении к золоту), будет равно той сумме, которая затрачена была на покупку облигаций. Если утрачивается эта уверенность, то разрушается и та база, на которой строится государственный кредит.

Достаточно этих указаний, чтобы обнаружить полную неприемлемость лечения наших хозяйственных затруднений методом понижения курса червонца. Он кажется невинным, но он в действительности опасней и, вместе с тем, бесплодней всех других.

Развертывание промышленности до ликвидации бестоварья.

4. Имеется еще одно предложение, на котором следует остановиться. Отчасти потому, что оно имеет влиятельных приверженцев, отчасти же потому, что на нем можно ясно показать, какими путями невозможно идти. Это предложение заключается в преодолении товарного голода дальнейшим форсированием производства вплоть до того момента, когда расширенная промышленность даст рынку все необходимое ему количество товаров и нынешние перебои народного хозяйства этим способом будут ликвидированы.

Недостатком этого предложения является его полная неосуществимость. Оно игнорирует самое существенное из условий, вызывающих наши хозяйственные затруднения. А именно, оно забывает о том, что мы обязаны нашими затруднениями недостатку реальных ресурсов и что как раз форсирование развертывания хозяйства при наличии такого недостатка ведет не к сокращению, а к усилению бестоварья. Может казаться, что при использовании предлагаемого метода, успешная ликвидация товарного голода виднеется в конечной перспективе. Но это видение носит характер только миража, и к этому миражу даже действительных подступов нет.

Для расширения необходимы новые средства. Источником их в данных условиях мог бы быть, по видимому, один только банковый кредит, ибо остальные источники, поскольку они существуют (собственные средства промышленности, бюджетные ассигнования), и без того уже используются. Но банки не создают новых реальных средств, а только перераспределяют существующие реальные средства, предоставляя их тем, кто может дать им производительное назначение. Кредитная система и работает нормально до тех пор, покуда она не стремится перераспределить большее количество реальных благ, чем то, которое в действительности существует или поддается перераспределению. Она, подобна самой прекрасной девушке Франции, которая, по слову вице, не может дать больше того, что у нее есть. Когда же кредитная система выходит за эти пределы, тогда и наступает инфляция со всеми ее неблагоприятными последствиями.

На какие же реальные ресурсы могло бы опираться у нас дальнейшее расширение кредитования теперь, когда инфляция уже налицо? Не на ресурсы промышленности, ибо она-то сама и нуждается в новых кредитах. Не на ресурсы кооперации, ибо, если ее (заемные) средства и превышают значительно то, что необходимо для доведения товара от производителя до потребителя при технически рациональном использовании капитала, извлечение этих избыточных средств может быть лишь задачей, рассчитанной на долгий срок и связанной с длительным улучшением работы кооперативной системы. Не на частный капитал, ибо, поскольку его ресурсы и могли бы быть использованы в целях укрепления государственного строительства, такое их использование составляло бы трудную и сложную проблему, которая сейчас даже и не поставлена. Тогда остаются только те средства, которые имеются у крестьянского хозяйства, и вопрос заключается в том, чтобы именно их втянуть в настоящее время в сферу государственно-организованного хозяйства.

Но современный опыт как раз и показывает, что путем расширения кредитования и эмиссии это нельзя сделать в большей мере, чем это сделано уже до сих пор. Крестьянство имеет запасы реальных средств в натуральной форме. Однако, оно не склонно продолжать, по крайней мере в сколько-нибудь существенной мере, замену этих натуральных ресурсов денежными до тех пор, пока деньги, вырученные за свои продукты, оно не сумеет быстро обращать в необходимые ему товары. Между тем, предполагаемый метод построен на том, что товары крестьянство получит впоследствии, когда развертывание достигнет тех пределов, при которых бестоварье перестанет существовать. А до тех пор крестьянство должно выступить в качестве кредитора. Именно этого крестьянство в настоящее время и не желает.

Если же кредитование народного хозяйства нашей банковской системой, в целях дальнейшего форсирования торгово-промышленного подъема, стало бы опираться не на реальные ресурсы страны, то весь кредитный аппарат занялся бы работой в пустую и безрезультатность его деятельности обнаружилась бы через самый короткий срок. Последствием было бы только дальнейшее повышение цен,

при котором планы, исчисленные в огромных суммах, автоматически должны были бы сокращаться до реально осуществимых размеров, а может быть, даже, вследствие хозяйственной неурядицы, и ниже этих размеров, в виду непрерывного роста товарных цен. Это имеет уже место со многими строительными планами. Если цены на строительные материалы поднялись с осени на одну треть, то это означает, что при намеченных затратах возможно будет осуществить лишь $\frac{3}{4}$ того, что было предположено в составленных осенью планах.

В чем же заключается в таком случае выход из создавшихся затруднений?

Капиталистическая гипотеза и возможности советского хозяйства.

Прежде чем наметить его, полезно будет, в целях внесения возможно большей ясности в картину наблюдаемых явлений, поставить еще следующий вопрос: что бы произошло, если бы торгово-промышленный подъем, на основе кредитно-денежной инфляции, в общем подобный нашему, совершался в иной хозяйственной обстановке? Что бы произошло при отсутствии важнейших особенностей советской хозяйственной системы, — т.е. при отсутствии монополии внешней торговли, валютного регулирования, принадлежности всех крупных предприятий государству, руководства государством этими предприятиями и, вместе с тем, ответственности государства за них?

Инфляция, приведшая к развертыванию производства сверх меры, установленной реальными ресурсами страны, привела бы также при всяких условиях к росту цен и к недостатку ряда необходимых стране товаров. Одновременно она повлекла бы за собой такое соотношение между внутренними ценами на товары и мировыми ценами, при котором вывоз товаров становился бы все менее выгоден, а ввоз товаров превратился бы в очень рентабельную операцию. Торговый баланс стал бы пассивным, и стране пришлось бы прибегнуть к использованию своих валютных резервов. До сих пор все совпадает с теми явлениями, которые совершались и у нас. Но дальше начинаются существеннейшие

различия. При отсутствии государственного управления хозяйством весьма трудно было бы форсировать экспорт. При отсутствии монополии внешней торговли невозможно было бы сократить размещение новых заказов за границей для приведения платежей в соответствие с реальными валютными ресурсами. Нажим на валютные резервы был бы поэтому несравненно сильнее, чем у нас, и последствием его, при разменности банкнот, были бы вывоз золота и опустошение золотых запасов центрального банка, а при неразменности банкнот, т. е. при бумажно-денежном обращении, было бы падение курса валюты.

Если бы кредитная система сколько-нибудь долгое время не реагировала на такие затруднения, страна очутилась бы лицом к лицу с глубоко расстроенным денежным обращением, дальнейшее финансирование хозяйства бумажными деньгами превратилось бы в фикцию и срыв торгово-промышленного под'ема был бы неизбежен. Так как при его неизбежности не было бы никакого расчета жертвовать государственной денежной системой ради недостижимых благ, то обычная реакция заключалась бы в повышении учетной ставки и сжатии кредитов, и эта операция проведена была бы с тем большей решительностью и резкостью, чем дальше успел бы зайти болезненный инфляционный процесс. На этом закончился бы под'ем, вышедший за пределы тех материальных ресурсов, на которых только и может строиться прочное хозяйственное расширение. Он кончился бы банкротствами фирм, урезанных в своих кредитах, закрытием одних предприятий и сокращением работы других, прекращением нового строительства, безработицей, выбрасыванием товаров на рынок для превращения их в наличные деньги, падением товарных цен, отсутствием сбыта, — словом, всем тем, что характеризует те переломы в хозяйственной конъюнктуре, которые принято называть кризисами.

Благодаря тем свойствам нашей хозяйственной системы, отсутствие которых мы условно предположили для того, чтобы набросать обычное в капиталистических странах течение событий, такого рода кризис у нас не наступил. Правда, это дало возможность продолжать еще инфляцию в то время, когда ее пора было уже прекратить. Но это же дало пока возможность сохранить курс валюты, избежать

банкротств, безработицы и т. д. И, наконец, это дает возможность приступить к изменению конъюнктуры в порядке постепенных мероприятий, спуститься на тормозах, привести тем хозяйственного развертывания в соответствие с действительными возможностями, не допуская стихийного надлома, глубокого хозяйственного опустошения и неминуемой после него длительной депрессии.

Было бы, однако, глубокой ошибкой думать, что, если мы до сих пор могли форсировать торгово-промышленный под'ем при помощи кредитно-денежной экспансии, не вызывая, вместе с тем, острых проявлений хозяйственного кризиса, то ничто не мешает нам идти и дальше по тому же пути, и что в этом именно лежит одно из преимуществ нашего хозяйственного порядка. Преимущество заключается лишь в том, что мы в состоянии дольше сдерживать напор тех сил, которые стремятся разрушить систему хозяйственного равновесия. Но мы не в состоянии игнорировать действие этих сил. Те затруднения, которые возникают из кредитно-денежной инфляции, носят на первых порах характер более или менее чувствительных перебоев, затем они превращаются в серьезные препятствия дальнейшему хозяйственному развитию, и, в конце концов, они создают такое положение, которое не может кончиться иначе, чем кризисом. Состояние экспортных отраслей нашего хозяйства, нашей внешней торговли и тех предприятий, которые нуждаются в иностранном оборудовании или сырье, показывает это с полной очевидностью. Мы могли отдалить кризис, и мы в силах предотвратить его. Но для этого нужно принять все те меры, необходимость которых вытекает из существующего положения, и нужно провести эти меры с последовательностью, решительностью и полнотой.

В ы в о д ы.

Сущность этих мер совершенно ясна после всего того, что было сказано на предыдущих страницах. Методы лечения должны соответствовать диагнозу болезни. Если причины ее лежат в кредитно-денежной экспансии и несоответствии денежной массы действительным потребностям оборота, то необходимо, очевидно, принять меры к восстано-

влению нарушенного соответствия. Но мы этим отнюдь не хотим сказать, что вся задача сводится к изменению курса кредитной политики. Методы регулирования, которыми владеет государство, должны быть применены в полном объеме, т.е. не только на этом участке, но и во всех других областях. Лишь при этом условии процесс перехода к нормальному темпу хозяйственного развития, т.е. к такому темпу, который мы в состоянии поддерживать, будет относительно безболезнен.

Это означает, что все пересмотренные хозяйственные планы должны быть ориентированы в сторону восстановления соответствия между реальными ресурсами страны и намеченными программами.

План расширения работы существующих промышленных предприятий с учетом того, что на ближайшее время необходимо предоставление рынку возможно большего количества готовых изделий и возможно меньшее форсирование спроса на них; другие задачи в данный момент могут быть поставлены лишь в ограниченной мере.

План нового строительства с учетом, во-первых, того, что всякие капитальные затраты вызывают новый спрос на готовые изделия, между тем, как они расширяют продукцию новых изделий только через более или менее продолжительный срок, и, во-вторых, того, что строить можно только в меру наличия реальных ресурсов, пригодных для строительства.

План внешней торговли с учетом того, что, при всей интенсивности потребности нашего народного хозяйства в иностранных товарах, перед нами стоит первостепенной важности задача увеличения наших валютных резервов, образующих ту базу, на которой покоятся устойчивость нашей валюты и бесперебойное выполнение наших международных обязательств. Без усиления этих резервов мы могли бы не выдержать повторения таких затруднений, как те, которые имели место в течение последних месяцев.

План нашей финансовой политики с учетом того, что необходимо сократить расходы, вызывающие рост потребления, и что для восстановления хозяйственного равновесия нужно во что бы то ни стало вовлечь в торговый оборот большее количество сельско-хозяйственных продуктов, чем

то, которое при нынешнем состоянии рынка крестьяне готовы отчуждать.

План внутренней торговли с учетом того, что в товаро-проводящем аппарате, вследствие медлительности его оборотов, застряло (во вред развитию промышленности) несравненно большее количество предоставленных ему промышленными предприятиями и кредитными учреждениями средств, чем те, которые необходимы для продвижения товаров от производителя к потребителю при более рациональной постановке торговли, что, другими словами, в торговлю помещены средства, которые следовало бы использовать для расширения промышленности.

И, наконец, общий план кредитования и эмиссии с учетом безусловной необходимости ликвидировать существующую инфляцию.

Многое из того, что здесь отмечено, проводится уже в жизнь в течение последнего времени. Но не вся работа выполнена и она не ведется с необходимой настойчивостью, решительностью и полнотой. Итти на сокращение всегда менее отраднее, чем составлять оптимистические планы, но такова уже практика хозяйственной жизни, что, вслед за составлением чрезмерно оптимистических планов сокращение становится неизбежным.

Решительное принятие мер к ликвидации существующих затруднений имеет еще и ту благоприятную сторону, что в случае своевременного предотвращения кризиса нам вовсе нет надобности итти на снижение достигнутого уровня производства. В целом ряде направлений мы в состоянии поставить себе целью дальнейшее расширение, но только не в том объеме, который был предположен осенними хозяйственными планами. Речь идет не о сокращении производства, а о сокращении темпа его развертывания. После многих ошибок, допущенных в начале текущего хозяйственного года, такую перспективу можно признать достаточно благоприятной. Даже при рассмотрении кредитных планов на первые месяцы 1926 года могло быть установлено, что при целесообразном перераспределении кредитов задача действительной борьбы с кредитно-денежной инфляцией была бы совместима еще с некоторым усилением кредитования тех отраслей промышленности, которые всего более

нуждаются в оборотных средствах и рост которых особенно желателен с точки зрения насыщения рынка товарами за счет сокращения кредитования торговли. Все дело в том, чтобы во-время провести все необходимые меры в надлежащем объеме, ибо, чем позже мы бы приступили к полному и решительному их осуществлению, тем более болезненно протекал бы процесс восстановления нарушенного равновесия в нашем хозяйстве.

Что касается более отдаленных перспектив, которых нельзя не коснуться, в связи с обсуждением хозяйственных условий текущего года, то о них можно сказать следующее. Исчерпав тот фонд оборудования, который был унаследован от дореволюционной эпохи, и вынужденное строить свои предприятия заново, хозяйство Советского Союза будет нуждаться впредь в крупных основных капиталах и не сможет поэтому расти в том чрезвычайном темпе, в каком до настоящего года совершался так называемый «восстановительный процесс». Но это совсем не значит, что нам придется продвигаться вперед черепашьими шагами. В социальном организме имеются многие элементы огромного хозяйственного значения, которые мы не в состоянии ценностно учесть до тех пор, покуда они не претворены в осязаемые хозяйственные блага. Это как бы хозяйственные ценности в потенциальном виде. И если страна в настоящее время беднее оборудованием, чем она была 12 лет назад, то такими потенциальными ценностями она, несомненно, богаче. Глубочайшие социально-психологические изменения, совершившиеся в течение последней эпохи, таят в себе такие хозяйственные возможности, реализация которых может легко превзойти наши ожидания. Эти возможности мы не умеем перевести в коэффициенты, характеризующие вероятный темп нашего хозяйственного развития в ближайшие годы. Но есть все основания рассчитывать на то, что, благодаря указанному условию, мы можем ожидать и в будущем быстрого и успешного развертывания нашего народного хозяйства. Только не следует предвосхищать сверх меры проявление этих возможностей работой эмиссионного аппарата и подтачивать должно направленной кредитно-денежной политикой здоровые силы хозяйственного организма.

17 Февраля 1926 г.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Хозяйственные затруднения	5
Перебои и „диспропорция“	18
Подъем и кредитная экспансия	24
Последствия инфляции	29
Подъем и бестоварье	31
Крестьянская оборона	34
Импортные и финансовые затруднения	36
Проекты устранения перебоев	36
Премирование экспорта	37
Финансовая политика и крестьянство	38
Изменение валютной политики	39
Развертывание промышленности до ликвидации бестоварья	43
Капиталистическая гипотеза и возможности советского хозяйства	45
Выводы	47